

А. М. Васильев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПОНЯТИЕ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В доктрине уголовного права концепция регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве не разработана полностью. Так, в науке отсутствует комплексное определение исследуемого понятия и не рассмотрены его формы. Автор синтезирует это определение, опираясь на мнения различных ученых, и приходит к выводу о том, что оно обладает двумя недостатками.

Во-первых, необходимость установления регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве возникает при применении уголовно-правовых норм не только с бланкетной диспозицией, но и с диспозициями иных видов, о чем свидетельствует судебная практика.

Во-вторых, регуляторная противоправность в экономическом уголовном праве выражается в двух формах: в совершении неуголовного правонарушения и в злоупотреблении правом. Злоупотребление правом как форма регуляторной противоправности свойственно налоговым преступлениям, что также подтверждается судебной практикой.

В заключение было сформулировано скорректированное определение регуляторной противоправности, что является первым шагом к разработке авторской концепции регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве.

Ключевые слова: экономическое уголовное право, регуляторная противоправность, экономическое преступление, объективная сторона, бланкетность, преюдиция

Для цитирования

Васильев А. М. Понятие регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 67–74. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_67.

УДК 343.3/.7

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_67

Экономическое уголовное право России, относительно недавно подвергнутое, как выразился И. А. Клепицкий, доктринальному осмыслению [Клепицкий 2021: 5], обладает особенностями, каждая из которых заслуживает отдельного научного исследования. Одной из таких особенностей является регуляторная противоправность.

Применение норм особенной части экономического уголовного права связано в первую очередь с квалификацией преступного деяния. В ходе квалификации правоприменителю при оценке фактических обстоятельств дела зачастую приходится сталкиваться с нетипичными ситуациями, которых, как правило, не возникает при работе с классическими,

общеуголовными составами преступлений (*mala in se*). В частности, к таким ситуациям относятся:

1) необходимость в силу бланкетности норм экономического уголовного права обращаться к нормам иных отраслей права для определения наличия или отсутствия их нарушения, т. е. устанавливая регуляторную противоправность. Показательным в данном случае является приведенный Д. В. Грибановой пример необходимости комплексно анализировать не только положения антимонопольного законодательства о хозяйствующих субъектах, входящих в одну группу лиц, но и правоприменительную практику арбитражных судов и ФАС РФ при применении ст. 178

УК РФ для выявления у этих хозяйствующих субъектов единого экономического интереса. Если единый экономический интерес выявлен, то субъект преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, отсутствует [Грибанова 2023];

2) необходимость оценивать на предмет обоснованности их принятия решения правоприменительных органов, в связи с которыми совершается преступление и в которых дана оценка действиям лица с точки зрения регуляторного законодательства. В частности, это касается правоприменительных решений, прямо указанных в уголовном (ст. 177 УК РФ) и уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, в которой содержится ссылка на ст. 198–199.2 УК РФ). Например, Волгоградский областной суд отменил приговор суда первой инстанции, указав, что суд должен не только убедиться в формальном наличии требований налогового органа об уплате налогов, а также решений об их взыскании и о приостановлении операций по счетам налогоплательщика на момент перечисления денежных средств, но и установить фактическое наличие недоимки по налогам и страховым взносам как таковой, *убедиться в обоснованности требований налогового органа, исходя из представленных сторонами доказательств*¹;

3) необходимость оценивать содержание вынесенных в рамках гражданского (арбитражного или административного) судопроизводства судебных актов, в которых деянию лица судами дана оценка с точки зрения регуляторного законодательства, для цели применения ст. 90 УПК РФ². Например, Тюменский областной суд отменил приговор суда первой инстанции, указав, что последний, ссылаясь на решения арбитражных судов об отмене решений ФНС РФ о доначислении налога на добавленную стоимость по ставке 18 % как на доказательства виновности, фактически не дал им анализа, не привел доводов о том, в какой части эти решения подтверждают или не подтверждают предъявленное обвинение³.

¹ Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 4 июля 2019 г. по делу № 22-2439/19.

² Пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

³ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 10 марта 2022 г. по делу № 22-268/22.

В описанных выше случаях правоприменитель в ходе уголовного судопроизводства сталкивается с необходимостью установить наличие или отсутствие регуляторной противоправности в деянии лица, которое подозревается (обвиняется) в совершении экономического преступления.

К сожалению, несмотря на то что в настоящее время в следственно-судебной практике есть много примеров обращения к регуляторной противоправности, в науке уголовного права не проведен комплексный анализ этого понятия применительно к экономическому уголовному праву. На наш взгляд, существует потребность в рамках экономического уголовного права сформулировать концепцию регуляторной противоправности путем определения ее понятия, описания форм, пределов и проблемных аспектов правоприменения. Прежде всего нужно сформулировать определение исследуемого термина.

Термин «регуляторная противоправность» в научный оборот ввел Г. А. Есаков, анализируя признаки преступного деяния в экономическом уголовном праве [Есаков 2019: 149–155]. Регуляторной противоправностью он называет «несоответствие конкретного деяния конкретной норме иной отрасли права, т. е. любое деяние, о котором говорится в уголовном кодексе, является незаконным в смысле его несоответствия не уголовному кодексу, но иной отрасли права» [Там же: 152]. В свою очередь, под уголовной противоправностью Г. А. Есаков понимает запрещенность деяния уголовным законом в смысле ч. 1 ст. 14 УК РФ [Там же: 153].

Нормы особенной части экономического уголовного права охраняют правоотношения, урегулированные нормами иных отраслей права. Это обстоятельство предопределило широкое использование бланкетных диспозиций при конструировании составов преступлений. Обилие таких юридико-технических конструкций ведет к необходимости обращения к регуляторному законодательству при применении норм экономического уголовного права, т. е. квалификация уголовной противоправности требует установления регуляторной противоправности.

Г. А. Есаков отмечает, что выделение уровня регуляторной противоправности обусловлено тем, что уголовное право является всего лишь одним из средств реагирования на социально недолжное поведение, и пре-

жде чем к социально недолжному поведению будет привлечено внимание государства в лице одной из охранительных отраслей права, такое поведение должно нарушить нормы одной из регуляторных отраслей права [Там же].

И. В. Шишко полагает, что круг преступных деяний в сфере экономической деятельности «запрограммирован» нормами иных отраслей, регулирующих позитивные общественные отношения в этой сфере (экономическим законодательством) [Шишко 2004: 154]. Следовательно, отмена обязанности или запрета, установленных регулятивными нормами, делает неприменимыми нормы УК РФ, закрепляющие санкции за неисполнение указанных обязанностей или нарушение запретов [Там же: 155]. Это же правило, на наш взгляд, применимо в ситуации, когда при юридическом анализе фактических обстоятельств не был установлен факт нарушения регуляторного законодательства, но норма регуляторного законодательства не была отменена.

По мнению Н. И. Пикурова, бланкетный способ описания признаков преступления отличается тем, что состав иного (не уголовного) правонарушения включен в состав преступления как его обязательный элемент, и он сохраняет юридическое значение в качестве определенной системы признаков (состав внутри состава) [Пикуров 1988: 5]. В этом случае проявляется «обратная зависимость», когда уголовная противоправность зависит от наличия иной (неуголовно-правовой) противоправности [Пикуров 2009: 141].

Следовательно, регуляторная противоправность выступает в качестве одного из обязательных условий применения нормы с бланкетной диспозицией в экономическом уголовном праве.

Каково же место регуляторной противоправности в структуре состава преступления? Г. А. Есаков относит ее к конструктивно-обязательной характеристике деяния как признака объективной стороны состава преступления [Есаков 2022]. Аналогичной позиции применительно к составам финансовых преступлений придерживается А. Н. Ляскало [Ляскало 2022: 83–88]. Регуляторная противоправность является признаком не только действия, но и бездействия [Есаков 2019: 155].

Дополнительным аргументом в пользу тезиса о том, что регуляторная противоправность относится к объективным признакам состава экономического преступления, является возможность совершения фактической ошибки относительно неуголовно-правового запрета. Так, П. С. Яни пишет: «Особенность фактической ошибки при совершении преступлений в сфере экономики связана с тем, что соответствующее деяние состоит прежде всего в нарушении действием либо бездействием нормативно установленного порядка поведения. Как, например, при том же уклонении от уплаты налогов или незаконном предпринимательстве. Поэтому при фактической ошибке неверное восприятие имеющих значение для квалификации обстоятельств, превращающее в сознании лица объективно непроступное деяние в преступное, часто невозможно без ошибки относительно неуголовно-правовой противоправности совершаемых действий (бездействия)» [Яни 2011: 29]. Данную позицию разделяют и другие специалисты в области экономического уголовного права [Ляскало 2022: 28; Есаков 2019: 149–155].

Исходя из приведенных точек зрения, можно было бы заключить, что регуляторная противоправность в экономическом уголовном праве представляет собой обязательный признак преступного деяния как элемента объективной стороны состава экономического преступления, выражающийся в нарушении деянием закрепленных в регуляторном законодательстве норм, к которым отсылает бланкетная диспозиция нормы экономического уголовного права. Сформулированное определение нуждается в корректировке по следующим причинам.

Первая причина. Наличие или отсутствие регуляторной противоправности, т. е. нарушение норм иных отраслей права, обычно устанавливается в результате применения уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. Бланкетные диспозиции идентифицируются благодаря тому, что законодатель либо в названии статьи УК РФ, либо непосредственно в самой диспозиции уголовно-правовой нормы указывает на незаконность (или использует иные синонимы данного слова) деяния [Шишко 2004: 65–66; Есаков 2019: 149–150]. Однако в экономическом уголовном праве регуляторная противо-

правность может быть установлена в процессе применения не только норм с бланкетной диспозицией, но и нормы, диспозиция которой не отсылает правоприменителя к положениям регуляторного законодательства.

Примером применения такой нормы является дело индивидуального предпринимателя Т. Д. Маргановой, которая обвинялась в совершении преступления по ч. 1 ст. 165 УК РФ. Т. Д. Марганова заключила с ФСИН России пять договоров поставки, по условиям которых обязалась поставить ФСИН России 50 000 кг мяса кур и 853 920 штук яиц, а ФСИН России – произвести оплату в размере 7 410 200 руб. ФСИН России оплатила товары, а Т. Д. Марганова поставила обусловленное количество яиц и 35 182 кг мяса кур. Приговором суда первой инстанции Т. Д. Марганова была признана виновной по ч. 1 ст. 165 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решения нижестоящих судов, в качестве одного из оснований отмены указав, что суд первой инстанции признал пять договоров поставки фиктивными, но при этом не дал оценку положениям закона о таких существенных условиях договора поставки, как наименование товара и его количество, которые могут дополнительно согласовываться сторонами и при определенных условиях считаются согласованными (ст. 420, 506, 507 ГК РФ). Кроме того, по смыслу положений ст. 431.1 ГК РФ частичное неисполнение договора не влечет его недействительности¹. Неопределенность в вопросе о наличии или отсутствии регуляторной противоправности в действиях Т. Д. Маргановой повлияла на их квалификацию по ст. 165 УК РФ, диспозиция которой *prima facie* не является бланкетной и, следовательно, не обязывает правоприменителя обращаться к регуляторному законодательству.

Нам представляется справедливым тезис Г. А. Есакова о презумпции регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве, в силу которой любой состав экономического уголовного права предполагает, что деяние совершается с нарушением требований регуляторного законодательства в соответствующей области [Есаков 2019:

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 января 2022 г. по делу № 89-УД21-24-К7.

151]. Регуляторная противоправность в экономическом уголовном праве не зависит от того, является ли диспозиция уголовно-правовой нормы бланкетной или нет.

Вторая причина. В представленном выше определении регуляторной противоправности указано, что она выражается в нарушении норм регуляторного законодательства. Как правило, нарушение норм регуляторного законодательства возникает в результате совершения неуголовного правонарушения, т. е. гранью, которая отделяет правомерное деяние от противоправного, выступают нормы иных отраслей права. Однако регуляторная противоправность также может возникнуть в результате правового поведения иных видов – совершения *объективно противоправного деяния и злоупотребления правом.*

Объективно противоправным принято считать деяние, в котором отсутствуют либо субъект, либо субъективная сторона правонарушения. Примеры правового поведения указанного вида также встречаются в практике применения норм экономического уголовного права.

В частности, Конституционным Судом РФ были рассмотрены дела М. А. Литвинова² и В. В. Калугарова³. Оба заявителя были привлечены к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ за получение налогового вычета по НДС в связи с приобретением жилья. Органы предварительного следствия и суды пришли к выводу о том, что подача налогоплательщиками заявлений о налоговом вычете, на основании которых налоговые органы ошибочно приняли решение о предоставлении налоговых вычетов, образует объективную сторону мошенничества. Ошибка налоговых органов заключалась в том, что они неверно выбрали вариант толкования норм налогового законодательства об основаниях и процедуре получения налогового вычета, предоставляемого участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. При этом документы, по-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 5-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Калугарова.

данные налогоплательщиками в налоговый орган, не содержали заведомо ложных сведений, т. е. оба налогоплательщика добросовестно заблуждались относительно наличия у них права на налоговый вычет.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобы М. А. Литвинова и В. В. Калугарова, дважды указал, что сама по себе реализация гражданином права на обращение в налоговые органы с заявлением о получении налогового вычета и последующим его получением при отсутствии правовых оснований в результате ошибки налогового органа не свидетельствует об умысле на совершение мошенничества. Следовательно, действия обоих граждан являлись объективно противоправными, т. е. нарушающими нормы налогового законодательства, однако ввиду добросовестного заблуждения относительно наличия у них права на вычет, которое затем было «подогрето» ошибками налоговых органов, в действиях граждан отсутствовала вина в форме умысла, т. е. субъективный признак как состава налогового правонарушения, так и состава преступления (ст. 159 УК РФ). В данном случае уместно вести речь именно об объективно противоправном деянии.

В целом разницы между правонарушением и объективно противоправным деянием по критерию регуляторной противоправности нет: и то, и другое нарушает нормы права, которые выступают критерием противоправности. Другое дело, когда регуляторная противоправность – результат злоупотребления правом.

В уголовном законе уже содержатся примеры криминализации злоупотребления правом (ст. 185, 200.4, 201, 201.1, 202, 285, 285.4 УК РФ), а ученые-правоведы признают возможность криминализации злоупотребления субъективным правом при условии, что в результате причиняется существенный вред [Арзамазцев 2021; Гузеева 2021]. Примеры злоупотребления правом как формы регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве можно обнаружить, в частности, в правоприменительной практике по налоговым преступлениям (ст. 198, 199, 199.3, 199.4 УК РФ).

В 2017 г. в отечественное законодательство о налогах и сборах введена норма, устанавливающая по аналогии со ст. 10 ГК РФ для налогоплательщика общий запрет на

злоупотребление правом (ст. 54.1 НК РФ). Цель запрета – пресечь использование налогоплательщиками схем ухода от уплаты налогов, которые формально не противоречат нормам налогового законодательства (например, все документы, представленные в ФНС, оформлены в соответствии с требованиями налогового законодательства, денежные средства перечислены в бюджет в установленные законом сроки и т. д., но при этом имело место «дробление бизнеса»).

Признание налогоплательщика недобросовестным и, как следствие, признание полученной им налоговой выгоды необоснованной в результате злоупотребления правом могут влечь уголовную ответственность по ст. 198 и ст. 199 УК РФ, если сумма неуплаченных налогов и сборов подпадает под крупный размер.

Разницы между правонарушением и объективно противоправным деянием по критерию регуляторной противоправности нет: и то, и другое нарушает нормы права, которые выступают критерием противоправности

Например, директор ООО «МКС» Е. признан виновным по ч. 1 ст. 199 УК РФ, т. е. в совершенном в крупном размере уклонении от уплаты страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов, путем включения в налоговую декларацию (расчет) или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, заведомо ложных сведений.

Е. заключил с АО «Атом-ТОР» соглашение, согласно которому ООО «МКС» будет производить для АО «Атом-ТОР» машины и оборудование специального назначения на территории Снежинска, являющегося территорией опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР). В результате заключения данного соглашения ООО «МКС» получило статус резидента ТОСЭР, который давал ему право применять пониженные тарифы страховых взносов (подп. 12 п. 1 ст. 427 НК РФ). ООО «МКС» применяло указанные тарифы с 1 января 2019 г. по 31 де-

кабря 2020 г., однако при этом реальная экономическая деятельность, направленная на реализацию соглашения между организациями, не осуществлялась, а сотрудники ООО «МКС», за которых уплачивались страховые взносы в бюджет, работали в других городах¹.

Нетрудно догадаться, что основной целью заключения соглашения между ООО «МКС» и АО «Атом-ТОР» являлась неполная уплата страховых взносов, т. е. получение дохода исключительно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность². При этом налогоплательщик допустил искажение сведений о фактах хозяйственной деятельности, что представляет собой злоупотребление правом (п. 1 ст. 54.1 НК РФ).

Представление в налоговые органы документов, содержащих заведомо ложные сведения, было обусловлено злоупотреблением правом со стороны налогоплательщика, которое выразилось в получении статуса резидента ТОСЭР без цели осуществления реальной экономической деятельности на ТОСЭР. Это противоречит целям принятия Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (обеспечение ускоренного социально-экономического развития и создание комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения).

Классическим примером злоупотребления правом является использование схемы «дробления бизнеса», в частности когда предприниматель при достижении лимитов по доходам, в пределах которых допускается использование упрощенной системы налогообложения (далее – УСН), вместо перехода к общей системе налогообложения искусственно перераспределяет выручку между зависимыми от него лицами. Применение данной схемы сохраняет возможность использования УСН с уплатой меньшей суммы налогов. Эта схема до сих пор популярна, о чем свидетельствуют недавние уголовные дела, возбужденные в отношении блогеров

¹ Приговор Верхнеуфалейского городского суда Челябинской области от 12 мая 2022 г. по делу № 1-94/2022.

² Пункт 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

Валерии и Артема Чекалиных³, Елены Блиновской⁴ и Александры Митрошиной⁵.

Таким образом, налогоплательщик, злоупотребляющий субъективным правом, нарушает общий запрет, предусмотренный налоговым законодательством (ст. 54.1 НК РФ), но при этом критерии, благодаря которым правоприменитель решает вопрос о признании в действиях налогоплательщика злоупотребления правом, установлены отнюдь не в нормах права, а в положениях судебной доктрины⁶, которая была подвергнута переработке и систематизации ФНС РФ⁷. Содержание указанной доктрины составляют тесты, основанные на обычаях делового оборота в условиях налогообложения. Положения обычаев делового оборота как раз и выступают тем самым мерилем добросовестного поведения налогоплательщика.

Итак, регуляторная противоправность в экономическом уголовном праве может быть идентифицирована не только при помощи норм права, но и благодаря обращению к обычаям делового оборота, т. е. иным социальным регуляторам.

Приведенные замечания позволяют нам скорректировать определение анализируемого термина следующим образом. Регуляторная противоправность в экономическом уголовном праве – это конструктивно-обязательный признак деяния как элемента объективной стороны любого состава экономического преступления, характеризующийся нарушением субъектом норм регуляторного законодательства, положений обычаев делового оборота, а также положений иных социальных регуляторов.

³ Кусикова О. «Все так делают». Чекалины дали первое интервью на фоне неуплаты налогов. 2023 // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/649023e69a79475358970284> (дата обращения: 06.09.2023).

⁴ Соколов К., Гальчева А. По делу блогера Блиновской арестовали активы на ₽ 64 млрд. 2023 // URL: <https://www.rbc.ru/society/15/08/2023/64db8ec09a7947739ac7e418> (дата обращения: 06.09.2023).

⁵ Котляр М. СК завел уголовное дело за неуплату налогов в 120 млн рублей против блогера Саши Митрошиной. 2023 // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/03/21/16430593.shtml?updated> (дата обращения: 06.09.2023).

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

⁷ Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».

Список литературы

- Арзамасцев М. В. Уголовно-правовая оценка осуществления субъективного права и злоупотребления им // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 177–203.
- Грибанова Д. В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию // Уголовное право. 2023. № 6. С. 14–24.
- Гузеева О. С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 133–152.
- Есаков Г. А. Преюдиция в уголовном процессе: материально-правовой взгляд // Закон. 2022. № 1. С. 87–94.
- Есаков Г. А. Экономическое уголовное право: общая часть. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2019. 359 с.
- Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: моногр. М.: Проспект, 2021. 984 с.
- Ляскало А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации: моногр. М.: Проспект, 2022. 440 с.
- Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: моногр. М.: Рос. акад. правосудия, 2009. 288 с.
- Пикуров Н. И. Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1988. 56 с.
- Шишко И. В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 307 с.
- Яни П. С. Квалификация экономического преступления при юридической и фактической ошибке // Законность. 2011. № 6. С. 24–29.

Александр Максимович Васильев – аспирант, преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: vasilivs96@list.ru.
ORCID: 0000-0002-3892-3535

The Concept of Regulatory Wrongfulness in Economic Criminal Law

The concept of regulatory wrongfulness in economic criminal law is not fully developed. At least there is no comprehensive definition of this phenomenon and its forms have not been considered. The author synthesizes such definition, based on an analysis of the positions of legal scholars, and concludes that it has two drawbacks.

Firstly, the need to establish regulatory wrongfulness in economic criminal law arises not only when applying criminal law norms with a blanket disposition, but also when applying criminal law norms with dispositions of other types, as evidenced by the judicial practice.

Secondly, regulatory wrongfulness in economic criminal law is expressed in two forms: in the commission of a non-criminal offense and in the abuse of rights. Abuse of rights as a form of regulatory wrongfulness is characteristic of tax crimes, which is also confirmed by the judicial practice.

The author proposes an adjusted definition of regulatory wrongfulness, which is the first step in the development of the author's concept of regulatory wrongfulness in economic criminal law.

Keywords: *economic criminal law, regulatory wrongfulness, economic crime, actus reus, blankness, prejudice*

Recommended citation

Vasiliev A. M. Ponyatie regulyatornoi protivopravnosti v ehknomicheskome ugovnom prave [The Concept of Regulatory Wrongfulness in Economic Criminal Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 5, pp. 67–74, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_67.

References

Arzamastsev M. V. Ugolovno-pravovaya otsenka ouschestvleniya sub"ektivnogo prava i zloupotrebleniya im [Criminal Evaluation of the Exercise and Abuse of Right], *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*, 2021, no. 2, pp. 14–30.

Esakov G. A. *Ehkonomicheskoe ugolovnoe pravo: obshchaya chast'* [Economic Criminal Law: Common Part], Moscow, Izdat. dom Vyssh. shk. ehkonomiki, 2019, 359 p.

Esakov G. A. Preyuditsiya v ugolovnom protsesse: material'no-pravovoi vzglyad [Res Judicata in Criminal Procedure Taken from Substantive Criminal Law Viewpoint], *Zakon*, 2022, no. 1, pp. 87–94.

Gribanova D. V. Ustanovlenie edinogo ehkonomicheskogo interesa v delakh o kartelyakh i ego vliyanie na kvalifikatsiyu [Determination of Joint Economic Interest in Cartel Cases and Its Impact on the Qualification of Crimes], *Ugolovnoe pravo*, 2023, no. 6, pp. 14–24.

Guzeeva O. S. Konstitutsionnye osnovy ugolovnoi otvetstvennosti za zloupotreblenie pravami i svobodami [Constitutional Framework of Criminal Liability for Abuse of Rights and Freedoms], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 51, pp. 133–152.

Klepitskii I. A. *Novoe ehkonomicheskoe ugolovnoe pravo* [New Economic Criminal Law], Moscow, Prospekt, 2021, 984 p.

Lyaskalo A. N. *Finansovye prestupleniya v rossiiskom ugolovnom prave. Problemy kvalifikatsii* [Financial Crimes in Russian Criminal Law. Problems of Qualification], Moscow, Prospekt, 2022, 440 p.

Pikurov N. I. *Kvalifikatsiya prestuplenii s blanketnymi priznakami sostava* [Qualification of Crimes with Blanket Elements of an Offence], Moscow, Ros. akad. pravosudiya, 2009, 288 p.

Pikurov N. I. *Kvalifikatsiya sledovatelem prestuplenii so smeshannoi protivopravnost'yu* [Qualification as an Investigator of Crimes with Mixed Wrongfulness], Volgograd, VSSh MVD SSSR, 1988, 56 p.

Shishko I. V. *Ehkonomicheskie pravonarusheniya: voprosy yuridicheskoi otsenki i otvetstvennosti* [Economic Offenses: Issues of Legal Assessment and Liability], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 307 p.

Yani P. S. Kvalifikatsiya ehkonomicheskogo prestupleniya pri yuridicheskoi i fakticheskoi oshibke [Determination of the Nature of an Economic Crime when Legal or Factual Error is Made], *Zakonnost'*, 2011, no. 6, pp. 24–29.

Alexander Vasiliev – postgraduate student, lecturer of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: vasilevs96@list.ru.

ORCID: 0000-0002-3892-3535

Дата поступления в редакцию / Received: 25.09.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.11.2023